

Геннадий КОВАЛЕНКО
(*Великий Новгород, Россия*)

**Великий Новгород 1611–1617.
Между Москвой и Стокгольмом
(по материалам Государственного
архива Швеции)**

В начале XVII в. Российское государство переживало глубокий социально-экономический и политический кризис, который поставил его на грань катастрофы. По образному выражению В.О. Ключевского, «Русское государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части, преобразаясь в какую-то бесформенную мятушуюся федерацию» [14, с. 56]. Результатом распада стало образование альтернативных политических центров (Тушино, Вологда, Астрахань, Казань). Одним из таких центров стал Новгород¹, власти которого в 1611 г. заключили договор со шведским военачальником Якобом Делагарди.

Смута начала XVII в. была периодом паралича властных структур, хаоса и противоречий в принятии решений. В 1610 г. центральная власть в Российском государстве фактически полностью распалась. Образовался вакуум власти, который стали заполнять региональные элиты, которые брали в свои руки власть и в своей деятельности опирались на политический и исторический опыт и традиции региона.

В Смутное время Великий Новгород и Новгородская земля стали ареной действия центробежных и центростремительных сил, вектор которых менялся в зависимости от развития внутри- и внешнеполитической ситуации. Число социально активных участников событий этого времени было достаточно велико, и благодаря обилию источников, они представляют доступный объект изучения.

¹ По мнению А.Л. Хорошкевич, во время Смуты Россия фактически была расчленена на Новгородскую землю и остальную территорию, за которой закрепилось наименование «Московское государство». (Хорошкевич А.Л. «Памяти» царя Василия Шуйского в Цивильск и Кузьмодемьянск 1609 г. // Архив русской истории. Вып.5. – 1994. С. 132).

Основу источниковой базы составляет так называемый Новгородский оккупационный архив – уникальное собрание документов по истории Новгорода и Новгородской земли, хранящихся в Государственном архиве Швеции. Он представляет собой материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611–1617 гг. (ок. 30000 листов). Этот архив является крупнейшим собранием документов по русской дореволюционной истории в зарубежных архивах, он состоит из двух частей, отличающихся по характеру и происхождению.

Первая часть (Serie I) содержит документы, составлявшие в различных приказах Новгорода в период оккупации. Они представлены приходо-расходными книгами разных учреждений (Денежного двора, таможи², судного двора, кабаков), а также писцовыми, переписными, дозорными, отдельными, обыскными, даточными, платежными, ужинными, умолотными, кабальными, ямскими, банными и др. книгами.

Вторая часть (Serie II) насчитывает 368 свитков различной длины, содержащих купчие записи, служилые кабалы, отпускные и судебные дела, распросные речи, челобитные, памяти, поручные записи, дела о земельных пожалованиях, отписки дворян с отчетом о несении службы, списки конфискованного имущества перебежчиков.

Общую картину, складывающуюся при знакомстве с материалами архива, можно определить как повседневную жизнь в экстраординарной ситуации, определявшейся разделенностью и разоренностью территории Российского государства и шведским военным присутствием на Новгородской земле. На протяжении всего периода существования «Новгородского государства», русская администрация работает интенсивно: подьячие составляют приходо-расходные книги по разным статьям бюджета, проводятся дозоры отдельных имений и целых волостей, взимаются недоимки с податного населения, рассматриваются челобитные служилых людей о верстании и пожаловании поместий, фиксируются кабальные сделки. При этом лейтмотив фискальной деятельности определяется войной, точнее, расходами на содержание

² Таможенные книги характеризуют прежде всего хозяйственный быт и являются уникальным источником по истории новгородской торговли. Вместе с тем в них есть и другие слои информации, на которые исследователи, как правило, почти не обращают внимания. Прежде всего – это информация бытового характера, позволяющая более конкретно представить повседневную жизнь новгородцев в условиях оккупации.

наемного шведського війська («німецьких ратних людей»). Русским служилим людям в системе Новгородского государства отводилось второстепенное место, они служили «с земли» и должны были заботиться о своем благополучии сами, подавая властям челбитные. Эти документы позволяют ответить на многие вопросы, связанные с позицией новгородского дворянства, которое должно было решать, оставаться на службе у шведов, или отъезжать в московские полки.

Следует отметить, что Новгородский оккупационный архив представляет основную, но не единственную, часть совокупного фонда русских источников начала XVII вв., хранящихся в Государственном архиве Швеции. Документы этого времени находятся также в фондах *Muscovitica, Extranea, Militaria*. [См.: 2, 20, 25, 31, 34, 36].

До недавнего времени история Новгорода в отечественной историографии Смуты занимала довольно скромное место. Считалось, что в 1611–1617 гг. местная элита сотрудничала с оккупантами и пыталась навязать русскому народу царя шведа, подобно тому как «седмочисленные бояре» пытались посадить на московский престол царя поляка.³ Поэтому эту страницу новгородской истории, старалась перелистнуть не только дореволюционная, но и советская историография. Такой взгляд на историю Новгорода начала XVII в. не изжит до сих пор. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в вышедшей в 2008 г. книге В. Каравашкина «Кто предавал Россию?» есть раздел «Новгородская измена начала XVII в.».

В последнее время вышли три серьезных исследования, посвященные этому периоду истории Новгородской земли: очерки Г.А. Замятина, в которых рассмотрены вопросы военно-политической истории, [8, 9, 10, 11, 12] а также монографии Е.И. Кобзаревой, посвященная проблемам социально-политической истории [16] и А.А. Селина, в которой предпринята попытка реконструкции повседневной жизни новгородского общества в условиях гражданской войны и шведского военного присутствия [25].

Шведское военное присутствие в России в начале XVII в. – уникальное явление в истории Московской Руси. Почти восемь лет иностранные войска находились на ее территории, принимая активное участие во внутривнутриполитической борьбе. Перед населением страны,

³ «Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской семибоярщины [Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. – М., 1981. с. 250].

пожалуй, впервые стал вопрос о том, как строить свои отношения с оккупантами.

В советской историографии действия шведских войск в России оценивались как интервенция. В течение длительного времени бытовал также лишенный смысла термин «польско-шведская интервенция». Современная российская историография отказалась от этого термина, но не нашла ему замены.

Характер шведского военного присутствия в России, в том числе и в Новгороде, менялся в зависимости от внутривнутриполитической ситуации. Шведские войска⁴ пришли в Россию как союзники в соответствии с условиями Выборгского договора для оказания помощи правительству Василия Шуйского. Выборгский договор получил неоднозначные оценки со стороны современников и потомков. Обсуждая проблему иностранного военного присутствия в целом или дискутируя конкретный вопрос о том, не слишком ли дорого обошлась шведская помощь России и насколько она была эффективна, нельзя отрицать тот факт, что она все-таки была оказана. Как отметил Б.Ф. Поршнев,

«заключенный в 1609 г. союз со Швецией против Польши, хотя и дорого обошелся России, все же оказал ей совершенно реальную помощь в борьбе с польской интервенцией» [23, с. 39].

Освобождение Москвы не исчерпало союзнической миссии Деллагарди, борьба с поляками продолжалась, и весной 1610 г. вместе с Дмитрием Шуйским он выступил на помощь Г. Валуеву и Ф. Елецкому, осажденным гетманом С. Жолкевским в Цареве Займище. 24 июня 1610 г. у села Клушина русско-шведская армия потерпела поражение, и Деллагарди с небольшим отрядом ушел в Финляндию.

Летом 1611 г. он подошел к Новгороду, встал лагерем у Хутынского монастыря и вступил в переговоры с представителем ополчения В. Бутурлиным. После того как переговоры зашли в тупик, он взял Новгород штурмом и заставил новгородские власти подписать с ним договор [18]. С этого времени он фактически возглавил управление Новгородом и Новгородскими землями, где установился оккупационный режим, который, по мнению А. Селина был основан на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии.

⁴ Корпус Я. Деллагарди был многонациональным; в его составе были шведы, финны, немцы, голландцы, англичане, шотландцы, французы.

Шведы не препятствовали возрождению некоторых республиканских традиций и институтов – прежде всего вечевых традиций, деятельности пятиконецких старост. В свое время Б.Д. Греков и А.П. Пронштейн отметили, что мало заметные в повседневной жизни элементы старины усиливались при малейшем ослаблении центральной власти, и в начале XVII в. в Новгороде быстро воскресли еще не совсем забытые старые новгородские обычаи, город начал восстанавливать некоторые свои институты, почти целиком уничтоженные Иваном III. В это время новгородские документы скрепляются печатями новгородского митрополита и господарства Великого Новгорода [6, с. 290, 296; 24, с. 13, 226].

В Смутное время Новгородская земля была одним из тех регионов с развитыми формами и традициями политической активности, которые, как писал С.Ф. Платонов, «явили большую способность к самостоятельности и нашли в себе средства и людей как для устройства своих внутренних дел, так и для борьбы за то, что они считали законным и правым» [22, с. 21]. В условиях распада государства и гражданской войны Новгород нашел в себе силы для самоорганизации, и начал восстанавливать, казалось бы, давно забытые республиканские порядки. Говоря о реставрации республиканских порядков, исследователи обращают внимание, прежде всего, на институт пятиконецких старост. Их деятельность в это время заметно активизируется.

Важным моментом в истории Новгорода периода Смуты было также возрождение вечевых традиций в форме сословных собраний, которые в русских источниках того времени называются соборами, а в шведских источниках народными собраниями – тингами. Уже июльский договор 1611 г. был заключен от имени князей, бояр, окольничих, дворян, купцов и земледельцев Новгородского княжества, подписавших этот договор. Декабрьский приговор о посольстве в Швецию также был составлен при участии дворян, дьяков, детей боярских, голов казачьих и стрелецких, пятиконецких старост и посадских людей, приложивших к нему свои руки (74 рукоприкладства). Можно предположить, что они принимали участие в составлении приговора. В дальнейшем многие важнейшие вопросы решались с участием дьяков, дворян, гостей, пятиконецких старост и всяких чинов людей, которых шведские источники называли сословиями.

Кроме того, в условиях «межпатриаршества», исходя из принципа самоуправления епархии в кризисной ситуации митрополит Исидор практически реставрировал статус новгородского архиепископа в

системе власти боярской республики. В новгородских документах Смутного времени в качестве адресатов на первом месте, как правило, стоит митрополит Исидор. Его имя стоит на первом месте в преамбуле таких важнейших актов как договор 1611 г., приговор о посольстве в Швецию, грамота новгородского правительства в Москву 1615 г.⁵.

Характерно, что и после освобождения Новгорода от шведов владыка продолжает играть важную роль в системе управления Новгородом. В 1617 г. воеводами в Новгород были посланы князья Иван Андреевич Хованский и Федору Андреевич Елецкий. Им было вменено в обязанность

«будучи в Великом Новгороде Государевым и земским делом промышляти по сему Государеву наказу и по указным грамотам ... А о больших и о вестовых делах приходити к Исидору митрополиту и с ним советывати, как которому делу быти пригоже, и как бы Государеву делу было лутче и прибыльнее, а к митрополиту о том от Государя писано».

По мнению датского слависта Йона Линда,

«во время польской и шведской интервенции Новгород наслаждался свободой – во всяком случае от Москвы – какой он не испытывал с 1478 г. и больше уже не получил никогда» [19, с. 220].

Смута была временем экономического упадка, но несмотря на всю сложность ситуации, Новгород в каком-то смысле был островком относительной стабильности, основным фактором и в то же время признаком которой была четкая работа административного аппарата и его служб – Приказной избы, таможни, судной избы, монетного двора, кабаков, общественной бани. Была даже ферма по разведению лебедей.⁶

⁵ Договор 1611 г. [Сб. НОЛД. 5], приговор о посольстве 1611 г. [ДАИ. Т.1. № 162]; письмо Густава Адольфа к новгородским сословиям от 3.X.1612 [Södergren. S. 29]; письмо Исидора и Одоевского Густаву Адольфу [ГАШ. Muscovitica. 18. № 12]; переговоры с Ярославлем [ГАШ. Kriehistoriska samlingen. M 1287. № 8; ГАШ. Muscovitica. Vol. 18. № 3, 6]; письмо Карла Филиппа в Новгород [RA. Muscovitica. Vol. 18. № 5]; Киприан из Выборга 1613-1614 [ГАШ. Muscovitica. Vol. 18. № 9, 14.]; Густав Адольф в Новгород 29.09.1614 (ГАШ. Muscovitica. Vol. 18. № 17); грамота в Москву 1615 г. [НИС. 2].

⁶ Лебеди считались изысканным лакомством на больших обедах, и одного лебедя иногда забирали в хозяйство Якоба Делагарди.

Шведская исследовательница Х. Сьундберг, считает, что

«эффе́ктивная гражданская администрация действовала до конца оккупации. Сделки и купчие составлялись профессиональными городскими подьячими, приходо-расходные книги велись в различных учреждениях и толковые дьяки продолжали работать в приказах» [27, с. 274].

По наблюдениям А.А. Селина, 1611–1617 гг. были для новгородского чиновничества временем достаточно привольной жизни. Традиционные денежные оклады подьячих были заменены поместьями, т.е. чиновники по социальному статусу были приравнены к помещикам (военным). Он отметил также, что в русских документах этого времени появляются именованья самых низших должностных лиц, включая подьячих по отчеству, что стало входить в повседневный обиход столетие спустя. [25, с. 553–560].

Отношения новгородцев со шведами складывались не просто. Сохранились многочисленные челобитные, в которых горожане жаловались на плохое обращение шведских солдат, крестьяне – на высокие налоги и конфискации, требовали компенсацию за поврежденную или утраченную собственность. Были конфликты со шведами и на бытовой почве, хотя источники фиксируют их крайне редко. Известно, например, что в кабаке на Рогатице шведские солдаты разбили кувшин о голову целовальника. А вот конфликты на религиозной почве не зафиксированы вообще.

В годы оккупации многие представители новгородской элиты служили шведским властям или сотрудничали с ними. Е.И. Кобзарева рассматривает сотрудничество со шведами не как компромисс, а как измену, обусловленную прежде всего меркантильными соображениями. [15, с. 343–345].

Шведский исследователь Александр Пересветов-Мурат считает, что,

«решение служить шведам могло быть вызвано несколькими мотивами: принуждение, оппортунизм и самая простая алчность, но также и убеждение. ... Вопрос этот очень сложный ввиду того, что в дискуссии слишком легко исходить из поздних построма-тических концепций о родине и национальности и из представлений о старой Руси как об исконно однородном государстве с закономерной «конечной станцией» – Москвой. К этому надо добавить трудность четко различать службу Новгородскому госу-

дарству при шведском режиме и службу шведскому королю» [21, с. 367].

Служивших шведам или сотрудничавших с ними новгородцев часто характеризуют как предателей или, в лучшем случае, «шведскую партию». Между тем это была скорее партия порядка. До тех пор, пока шведские власти в Новгороде не перешли к политике присоединения Новгородских земель к Шведской короне, их интересы совпадали. Поэтому сотрудничество со шведами на этом этапе вряд ли можно поставить им в вину. За исключением нескольких человек, перешедших на шведскую службу (Федор Аминов, Никита Калитин, Михаил Клементьев, Мурат Пересветов) никто из них не присягнул шведской короне, несмотря на многочисленные попытки заставить их сделать это.

По мнению А.А. Селина оккупационный режим был основан на компромиссе между шведами и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии. Рассматривая проблему возникновения и функционирования новгородско-шведского альянса, он делает вывод о том, что

«в условиях фактического распада Московской державы для новгородцев обращение к шведской (а для псковичей и московского дворянства – к литовской), пусть иллюзорно, но все же сильной власти было вполне естественно и не создавало неразрешимого конфликта ... Кризис альянса наступил, когда, с одной стороны, шведы почувствовали, что они не могут имеющимися силами удержать Новгород и Северо-Запад России, и увеличили количество войск, которые нужно было кормить новгородцам, а с другой стороны новгородцы поняли, что ни шведский принц Карл Филипп не собирается принимать православие, ни в Москве не согласны с выбором этого принца на Московское великое княжество, предложенное в 1611 г. Прокопием Ляпуновым и поддержанным тогда же новгородцами. ... Итогом новгородско-шведского альянса стал Столбовский мир 1617 г., по которому Новгород, Порхов, Ладога и Старая Русса возвращались под власть московских царей» [25, с. 694–695].

Что касается шведского кандидата на Московский престол, то не новгородцы выступили инициаторами этого проекта, вряд ли можно обвинить новгородские верхи в том, что, заключив соглашение с Делагарди, они «взяли на себя инициативу и ответственность за провозглашение шведского претендента русским царем» [26, с. 202]. Еще в 1841 г. Я.И. Бе-

редников отмечал: «Из совокупности документов, списанных г-ном Соловьевым в Государственном Стокгольмском архиве, открывается следующее: Мысль предложить Российскую корону шведскому принцу возникла в московских полках, где и состоялся о том приговор в июне или начале июля» [2, с.60–62]. Г.А. Замятин, специально исследовавший этот вопрос, считает, что «кандидатура шведского королевича была делом Делагарди, Бутурлина и Ляпунова» [9, с.18]. В Государственном архиве Швеции он обнаружил письма, написанные Я. Делагарди в августе 1610 г. после свержения В. Шуйского московским и новгородским властям. В этих письмах он предостерегал их от избрания польского королевича на Московский престол и советовал им избрать царем одного из сыновей Карла IX, или кого-нибудь из его родственников, если они не могут выдвинуть кандидата из своей среды. [12, с.37–38].

Этот вывод представляется принципиально важным, поскольку до настоящего времени существует точка зрения о том, что именно «Стокгольм предложил тамошним боярам надеть шапку Мономаха на Карла Филиппа» [3, с.74]. Между тем, кандидатура Карла Филиппа, так же как и кандидатура Владислава, появилась не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого морально-политического кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола.

И.С. Шепелев пишет о том, что «эта мысль зародилась в кругах шведской знати», а вопрос о шведском кандидате «впервые был поставлен на первом ополчении» [30, с.187]. Вряд ли можно считать инициатора этого проекта Я. Делагарди выразителем интересов шведской знати. Скорее всего, он преследовал личные интересы, которые не совпадали с интересами короля. Сам Карл IX никогда не выдвигал кандидатуры своих сыновей на Московский престол, а советовал избрать великим князем кого-нибудь из природных московских бояр.⁷ В этой связи Н.М. Карамзин заметил: «Делагарди ... мыслил отнять царство у Владислава, сам собою без ведома Карлова, торжественно предлагая одного из шведских принцев нам в государи» [13, с.159].

⁷ Во внешней политике Карл IX следовал «Великой восточной программе» Юхана III, которая предусматривала захват всего русского побережья Финского залива, а также части побережья Баренцева и Белого морей и Кольского полуострова. Избрание одного из его сыновей на Московский престол стало бы препятствием на пути осуществления этих планов.

В своей первой работе, написанной в 1913 г., Г.А. Замятин писал, что «впервые вопрос о королевиче поднял В.И. Бутурлин». Через тридцать лет в докторской диссертации, подводя итог изучению этого вопроса, он писал:

«Бесспорно, что о шведской кандидатуре в Москве заговорили не в 1611, а в 1610 г. во время междуцарствия. Известия об агитации в пользу шведской кандидатуры встречаются задолго до приговора. В Новгороде все произошло подобно тому, что произошло в Москве в августе 1610 г. ... Что побудило новгородские власти спешить с заключением договора? Наличие на руках приговора всей рати. Новгородцы были уверены, что, заключая договор с Деллагарди о королевиче, они действуют согласно желанию собравшихся под Москвой». [11, л. 15–16].

По мнению шведского исследователя Хельге Альмквиста,

«эта кандидатура возникла не в блестящий период шведского оружия, а при безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля» [32, s. 199].

После того, как Ян Сапега, заключив соглашение с А. Гонсевским, объявил войну ополчению, 23 июня совет ополчения,

«взвесив все обстоятельства ... с обсуждением в течение нескольких дней решил так: соизволением Всевышнего свершилось, что все сословия Московского государства признали старшего сына короля Карла IX ... достойным избрания великим князем и государем московитских земель. Это единодушное наше решение мы ... посылаем тебе владыке Исидору, тебе, боярину и воеводе Ивану Никитичу (Одоевскому – Г.К.) ... и всем гражданам Новгородского княжества». [4, с. 200].

Однако к моменту подписания июльского договора со шведами ситуация изменилась: П. Ляпунов был убит, ополчение было на грани распада,

«и дело об избрании шведского королевича в силу договора с Деллагарди должны были повести одни новгородцы». [9, с. 20].

Приговор посольству от 25 декабря 1611 г. свидетельствует о том, что обратиться к шведскому королю новгородцев заставила неустойчивость государства. К этому времени развитие событий доста-

точно убедительно показало, что борьба за власть внутри правящей верхушки не позволяла выдвинуть достойного кандидата на престол из боярской среды, в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государским сыном»⁸. Таким образом, следствием регионализации интересов российских территорий было возвращение к идее древнерусского «ряда» земли и структур ее управления, связанной с приглашением иноплеменника «на царство» на условиях договора.

Отправляя посольство к шведскому королю, новгородцы ссылаются на приговор ополчения от 23 июня и подчеркивают, что они действуют не самостоятельно, а в соответствии с постановлением «Московского государства всяких чинов людей». И, наконец, объясняя, почему они обращаются именно к шведскому королю, они пишут в приговоре:

«А прежние государи наши и корень их царский от их же Варежского княжения от Рюрика и до великого государя царя и великого князя блаженные памяти Федора Ивановича всеа Руси был» [7, №162].

Возможно какая-то ранняя версия «Сказания о Словене и Русе», утверждающего исключительное значение Новгорода в славянской и русской истории возникла именно в годы шведской оккупации Новгорода как обоснование права Новгорода на выбор государя для себя и для всей России.

Поддержав кандидатуру Карла Филиппа, Новгород стал альтернативой Москве, призвавшей на российский престол королевича Владислава. При этом речь шла не только о новом типе легитимации власти и не столько о кандидате, сколько о форме правления, т.е. об альтернативах развития российской государственности.

В мае-июле 1612 г. новгородские власти обсуждали кандидатуру шведского королевича с руководством Нижегородского ополчения. В исторической литературе, по традиции, восходящей к «Новому летописцу»⁹, эти переговоры, как правило, оценивали как дипломати-

⁸ В. Бутурлин: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». [26, С. 208].

⁹ «Чтобы не помешали немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в душе не было, что взять на Московское государство иноземца» [ПСРЛ. Т. XIV. С. 121].

ческий маневр, целью которого было предотвратить нападение шведов на поморские города [29, с. 13; 26, с. 248]. Между тем Г.А. Замятин в 1914 г. убедительно показал, что

«данные «Нового летописца» о сношениях с Новгородом в 1612 г. не могут быть признаны вполне соответствующими истине... У Ярославского собора было серьезное намерение избрать в цари шведского королевича Карла Филиппа» [8, с. 86].

На Земском соборе 1613 г. его кандидатура имела сторонников, рассчитывавших на союз со Швецией, без помощи которой «нельзя будет стоять против врагов и оборонять страну». Они опасались, что результатом избрания Михаила Романова может стать война с двумя сильными противниками, в результате чего Российское государство «будет ими всеми подавлено и разорено». [1, с.27; 10, с.6]. Следует также учитывать наличие в феодальной среде настроений в пользу призыва иноземных правителей как панацеи от внутрибоярских смут. [28, с.200].

По мнению одного из современных исследователей, и после освобождения Москвы

«во внешней политике Земское временное правительство продолжало ориентироваться на Швецию, связывая решение династического вопроса с кандидатурой шведского принца. ... Прошведская ориентация вождей ополчения сказывалась и позже во время работы Земского избирательного собора 1613 года» [5, с.97].

Новгородцы не участвовали в освобождении Москвы, их представителей не было на избирательном соборе. Поэтому они продолжали держаться прежней линии и хранили веру в то, что Смута может прекратиться лишь «государским сыном». В августе 1613 г. в Выборг на переговоры с Карлом Филиппом было направлено новгородское посольство во главе с архимандритом Киприаном. В Выборге новгородские представители оказались в затруднительном положении. У них были полномочия вести переговоры о призвании королевича только на Новгородское государство, а шведы ждали в Выборге уполномоченных от всего Российского государства

«с полной мочью и с полным наказом, чтобы им тут в Выборе королевского величества с полномочными послы договор крепкой о всем к свершенью доброго начатого дела совершити и укрепить» [9, с. 99].

После нескольких месяцев бесплодных переговоров Карл Филипп уехал в Швецию, и Густав Адольф взял курс на присоединение оккупированных шведскими войсками Новгородских земель к шведской короне [35, s. 109] и более двух лет безуспешно пытался привести новгородцев к присяге. Разочаровавшись в Карле Филиппе и трижды испытав принуждение к унии, в конце 1614 г., они окончательно потянулись к Москве. В декабре 1614 г. Эверт Горн, сменивший Якоба Делагарди, сообщал королю:

«С тех пор, как прибыл я в Новгород, я в высшей степени стараюсь уговорить важнейших новгородцев на то, что желает от них Ваше Королевское величество; но почти никто на это не склоняется; но напротив, владычество их собственных земляков так сильно им по душе, что они все стоворились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства».

В вышедшей в 2005 г. монографии «Польско-литовская интервенция в России и русское общество» Б.Н. Флоря исследовал взаимодействие внешней силы (Речи Посполитой) с различными слоями русского общества. Он считает, что условия соглашения об избрании Владислава были выработаны не узкой группой представителей знати (семибоярщины), а при участии всех чинов русского общества, находившихся в то время в Москве. С избранием иностранного принца связывались надежды на возвращение монарху его традиционной для русского общества роли верховного арбитра, стоявшего над столкновением отдельных группировок, что должно было способствовать установлению порядка. Находившиеся в Москве чины русского общества связывали с избранием польского принца надежды на прекращение вмешательства Речи Посполитой в русские дела.

Б.Н. Флоря показал две политические линии в восточной политике Речи Посполитой: линию С. Жолкевского (явная параллель с Делагарди) и линию Сигизмунда III. Первый стремился посадить на престол Владислава, что должно было привести к открытию русского общества для воздействия польской политической культуры, и в отдаленной перспективе могло привести к объединению двух государств в одном политическом организме. Сигизмунд и его ближайшее окружение (Ф. Крыйский, А. Бобола) добивались подчинения Русского государства власти польского короля.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в Новгороде. Кандидатуру Карла Филиппа поддержали те новгородцы, которые надеялись в его

лице обрести не только твердую власть, но и гарантию от территориальных притязаний со стороны Густава II Адольфа. Как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства поставившего его на грань национальной катастрофы пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения национального суверенитета. Свой выбор они объясняли этническим родством их кандидата с пресекавшейся династией: «прежние государи наши, и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика». ¹⁰

Б.Н. Флоря считает, что исход переговоров боярского правительства с Жолкевским летом 1610 г. был predetermined тем, что самозванец не годился верховного арбитра. Им мог быть не Лжедмитрий II и не представитель одного из боярских кланов, а невовлеченный во внутренние конфликты Владислав («Не хотим своего брата слушати: ратнии люди русского царя не бояться, не слушают и не служат ему»).

Он пишет также что, предлагая престол Владиславу, тушинцы, по сути дела, отклонили предложение Сигизмунда III о подчинении его власти и выступили за сохранение целостности Русского государства. Точно так же и новгородцы упорно мотивировали свой отказ присягать Густаву II Адольфу тем, что они считают своим великим князем Карла Филиппа.

В.Б. Кобрин поставил вопрос об альтернативах Смуты. Он считал, что такой динамичный период как Смута был на редкость богат не только яркими событиями, но и альтернативами развития. Он, в частности предположил, что

«воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты ... он превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения ... Если бы этот документ (Тушинский проект – Г.К.) сработал, вся русская история пошла бы другим путем» [17, с. 181].

Возрождение республиканских политических традиций в Новгороде было еще одной нереализованной возможностью альтернативного развития.

¹⁰ В этой связи Г.А. Замятин заметил, что «в вопросе о происхождении первых русских князей новгородцы были, выражаясь языком XIX в., норманистами» [9, С. 23].

По мнению шведского историка Бенгта Янгфельдта, осуществление этого решения (приговор Совета ополчения от 23 июня) «изменило бы не только карту, но и историю Европы». [33, с. 20].

Обе кандидатуры (Владислава и Карла Филиппа) появились не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого морально-политического кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. В этой связи Г.А. Замятин отметил:

«После сведения с престола Василия Шуйского в господствующем классе зародилась мысль взять царем иностранного принца. В 1610 г. преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 г. в момент начала борьбы с поляками перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, тоже феодальному государству, но там сила феодального строя в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами». [11, с. 129–130].

Однако обе эти возможности были упущены. Политика Сигизмунда III как и политика Густава II Адольфа была непродуманной, основанной на нереальных представлениях. Поэтому ни Владислав, ни Карл Филипп так и не приехали в Россию, и ни тот, ни другой не стали русским православным царем польского (или шведского) происхождения. Как отметил В.Кобрин, из всех альтернатив был избран пессимальный вариант, и возникшие на фоне всеобщей усталости общества силы порядка оказались довольно консервативными. Наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. В результате Смуты модернизация страны была отложена почти на целое столетие, упрочилось крепостное право. [17, с.182–185]. По мнению Е.И. Кобзаревой, «идея сделать Карла Филиппа русским царем оказалась для России неприемлимой» [15, с. 343]. Тем не менее, Н.М. Карамзин сожалел, что «венец Мономахов» не возвратился к «варяжской династии», которая включила бы Россию в систему держав, основавших «равновесие в Европе до времен новейших» (Вестфальскую систему, определившую границы государств до конца XVIII в. – Г.К.). [13, с.188–189].

Можно предположить, что правительство Романовых в какой-то мере осознало мотивы поведения (коллорабационизма) новгородцев и отнеслось к ним более снисходительно, чем некоторые современные

исследователи, оценивающие их отношения со шведами не как компромисс, а как измену. В этой связи особенно важным представляется вывод А.А. Селина о том, что

«процесс возвращения Новгорода был политически продуман, Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614–1616 гг., а также зачет всех служб и пожалований. Объявление социального мира в Новгороде было своевременным мудрым поступком московских правителей» [25, с. 695].

Источники и литература

1. Арсеньевские бумаги // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. 6. – Новгород, 1912.
2. *Берединов Я.И.* Отчет об исторических приобретениях, сделанных корреспондентом АК Соловьевым во время его поездки в Швецию в 1840 г. // ЖМНП. XXIX. – 1841.
3. *Бохун Т., Кравчик Я.* Сто повозок Ходкевича // Родина – 2005/11.
4. *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. – М., 2000.
5. *Волков В.* Один из десяти // Родина – 2005/11.
6. *Греков Б.Д.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XV–XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 33. Л., 1926; Избранные труды. Т. 3.
7. Дополнения к актам историческим. – СПб., 1843. Т.1.
8. *Замятин Г.А.* «Новый летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // ЖМНП. – 1914. № 3.
9. *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол. – Юрьев, 1913.
10. *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1616 г. – Воронеж, 1936.
11. *Замятин Г.А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 2. Очерк 2.
12. *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. – СПб., 2008.
13. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. XII. – М., 1989.
14. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. – М., 1988.
15. *Кобзарева Е.И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). 9(19) – СПб., 2003.

16. *Кобзарєва Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. – М., 2005.

17. *Кобрин В.Б.* Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. – М., 1991.

18. *Коваленко Г.М.* Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. – 1988. № 11.

19. *Линд Д.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 4. – 1994.

20. *Нордландер И.* Оккупационный архив Новгорода 1611 – 1617 гг. // НИС. 6(16) – СПб., 1997.

21. *Пересветов-Мурат А.И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А.Пересветов-Мурат и другие русские байюг`ы // НИС. Вып. 7 (17). – СПб., 1999.

22. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. – М., 1995.

23. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. – М., 1976.

24. *Проништейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. – Х., 1957.

25. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. – СПб., 2008.

26. *Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. – М., 1986. С. 248.

26.А. *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч.3.* – СПб., 1998

27. *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // НИС. Вып. 6 (16). – СПб., 1997.

28. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – М., 1978.

29. *Чернышев С.И.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романа // Журнал министерства юстиции. – 1913. № 1.

30. *Шепелев И.С.* Шведская интервенция в России и отношение к ней Первого земского ополчения // Сб. науч. труд. Пятигорск. ГПИ. – Пятигорск, 1949. Вып. 4.

31. *Almquist H.* Sverige och Ryssland. – Uppsala, 1907.

32. *Jangfeldt B.* Svenka vägar till S:t Petersburg. – Trelleborg, 1998.

33. *Löfstrand E.* Ockupationsarkivet från Novgorod: en presentation // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие – М., 2002.

34. *Tham W.* Den svensk utrikespolitikens historia. – Stockholm, 1960. I:2.

35. *Turilov A.* Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. – Stockholm, 2005.

36. *Wdekind J. Thet Svenska i Russland Tijo åhrs Krijgz-historie.* – Stockholm, 1671.

Геннадий Коваленко (*Великий Новгород, Россия*) **Великий Новгород 1611–1617 гг. Между Москвой и Стокгольмом (по материалам Государственного архива Швеции)**

Основу источниковой базы изучения истории Новгорода в этот судьбоносный период составляет так называемый Новгородский оккупационный архив – уникальное собрание документов по истории Новгорода и Новгородской земли, хранящихся в Государственном архиве Швеции. Он представляет собой материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611–1617 гг. Этот архив является одним из крупнейших собраний документов по русской дореволюционной истории в зарубежных архивах.

Ключевые слова: Новгород, смута, приходно-расходные книги, договор, историография

Геннадій Коваленко (*Великий Новгород, Росія*) **Великий Новгород 1611–1617 рр. Між Москвою та Стокгольмом (за матеріалами Державного архіву Швеції)**

Основу джерельної бази вивчення історії Новгорода в окреслений період становить так званий Новгородський окупаційний архів – унікальне зібрання документів з історії Новгорода та Новгородської землі, який зберігається в Державному архіві Швеції. Він являє собою матеріали діловодної документації Новгородської ”приказной избы” протягом шведської окупації Новгорода 1611–1617 рр. Цей архів є одним з найбільших зібрань документів з руської дореволюційної історії в зарубіжних архівах.

Ключові слова: Новгород, смута, прибутково-видаткові книги, договір, історіографія

Gennadiy Kovalenko (*Great Novgorod, Russia*) **Great Novgorod 1611–1617. Between Moscow and Stockholm (on materials of the Record office of Sweden)**

A basis of source base of study on the history of Novgorod in this fateful period is formed by the so-called *Novgorod of occupation* archive is a unique collection of documents on history of Novgorod and Novgorod land, in the Record office of Sweden. It is materials of office work of the Novgorod *prikaznaya izba* in times of Swedish occupation of Novgorod 1611–1617. This archive is one of the largest collections of documents on Russian pre-revolution history in foreign archives.

Key words: Novgorod, strife, account-books, agreement, historiography